Мария Манасеина

О сознании

Классика
психологической
литературы

Классика психологической литературы

Мария Манасеина

О сознании

«Издательство АСТ»
1896

УДК 159.95
ББК 88.3

Манасеина М. М.

О сознании / М. М. Манасеина — «Издательство АСТ», 1896 — (Классика психологической литературы)

ISBN 978-5-17-190689-4

Что такое сознание и как рождаются наши мысли? Как связаны мозг, нервная система, мышление, память и восприятие? Эти вопросы волнуют ученых до сих пор — но Мария Михайловна Манасеина исследовала их еще в XIX веке! В книге 1896 года "О сознании" выдающаяся отечественная исследовательница обращается к одной из главных загадок психологии — природе человеческого сознания. Из книги вы узнаете: • как устроена психика человека; • какую роль играет нервная система; • как связаны ощущения, восприятие, память и мышление; • где проходит граница между физическим и психическим. Наука шагнула далеко вперед, но вопросы, которыми задавался автор, актуальны и сегодня. "О сознании" — возможность открыть забытую классику психологии и увидеть, как более века назад ученые пытались разгадать механизмы нашей психики.

УДК 159.95
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-190689-4

© Манасеина М. М., 1896
© Издательство АСТ, 1896

Содержание

Посвящение 6
Глава первая 7
I 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Мария Манасеина
О сознании

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Посвящение

В далекое былое время было принято посвящать свои дела, свои труды тому или иному лицу, имя которого зачастую оставалось скрытым, до поры до времени, под одним из семи цветов радуги. Вследствие этого и на турнирах, и на войне рыцари, не называя имени, носили цвета тех, кто так или иначе пробудил в душе их наиболее сильные чувства благодарности, любви, уважения, преданности, носили любимые цвета тех, кого они желали почтить.

Былое время романтических турниров, рыцарей, было, по преимуществу, временем мышечной силы, временем физических трудов; тогда как наш, прежде всего и более всего читающий, век, является временем книжного дела, печатного слова и соответственно с этим и значительная часть прежней физической борьбы, физических столкновений изменилась теперь в своем внешнем проявлении и нуждается ныне в мышцах только постольку, поскольку они нужны для работы пером. Внешние проявления борьбы изменились и местом их служит теперь бесконечная и подвижная, как море, область прессы; но характер, чувства и потребности человека остались те же, как прежде, так и теперь каждое сильное чувство требует себе проявления.

Выпуская в свет первый выпуск моего сочинения «О сознании» я желаю поэтому, чтобы оно было посвящено *вашим*, дорогим для меня, *именам*, хотя бы и скрытым, вследствие стечения различных обстоятельств, под одним неопределенным словом «*те*», значение которого также недоступно для непосвященных, как в былое время было недоступно понимаю всех значений тех отдельных цветов, которыми отмечали себя и свои дела различные рыцари.

Буду счастлива, если мое настоящее сочинение доставит хоть некоторое удовольствие *тем, кому оно было, есть и будет посвящено от начала и до конца своего* через все последующие выпуски.

М. Манасеина
26-го января 1896 г.
С.-Петербург

Глава первая

Всего больше человек дорожит своим сознанием. – Сознание в качестве отдельной душевной способности. – Бессознательная душевная жизнь. – Различные взгляды на сознание. – Определения сознания. – Старая сказка. – Вселенское сознание князя Трубецкого. – Сознательность протоплазмы. – Восприемники органического вещества на земле. – Три потенции протоплазмы. – Их прогрессивное развитие. – Хемотаксис. – Априорность закона причинности. – Запаздывание надлежащей оценки закона причинности. – Представление пространства развивается быстрее представления о времени. – Зрение необходимо для выработки пространственных представлений о трех измерениях. – Особенности осязания. – Особенности зрительных ощущений. – Каждый человек сначала знает только пространство о двух измерениях. – Доказательства более медленного развития понятия о времени. – Исходная точка развития понятия о причинности. – Постоянные ощущения невозможны. – Проецирование ощущений. – Объективирующие и субъективирующие ощущения. – Педагогическая роль вкусовых ощущений. – Закон причинности, связь его с сознанием. – Проявление закона причинности во времени и пространстве. – Закон причинности в качестве соединительного мостика между миром трансцендентальных идей и миром явлений. – Связь сознания с законом причинности. – Переход сознательных актов в бессознательные. – На чем основана всякая дрессировка. – Способность человечества страдать гораздо обширнее его способности наслаждаться. – Умственные занятия, требующие сильного применения закона причинности, делают человека нечувствительным к боли. – Сильные ощущения мешают человеку думать. – Болевые ощущения.

I

Не особенно много требуется думать для того, чтобы понять, что самым дорогим достоянием своим на земле человек признает свое сознание. Какие бы мучения ни выносил человек вследствие различных болезней и различных несчастий, он все же никогда не согласится избавиться от всех этих мук ценою уничтожения своего сознания. Вдумываясь в свою собственную душевную жизнь и в жизнь наших ближних, мы убеждаемся, что для нас, людей, жизнь без сознания немыслима: подобная жизнь представляется нам не менее, если не более ужасной, чем самая смерть.

Каждому из нас приходилось испытывать тот леденящий сердце ужас, который охватывает человека при виде близких людей, утративших на время свое сознание, например при различных обморочных и коматозных состояниях, или при болезнях, сопровождаемых бредом. Бывают болезненные состояния, во время которых больные лежат целыми днями, целыми неделями без малейших признаков сознательной жизни: они остаются безучастными ко всему окружающему их и ничем не отвечают на самые громкие, самые отчаянные призывы близких им людей. Между тем сердце продолжает безостановочно работать, дыхание и различные растительные процессы питания и усвоения продолжают совершаться более или менее удовлетворительно – одним словом, человек живет, но сознание его отсутствует.

Если бы при этом не было надежды на возможность возвращения сознания, а следовательно, и на возможность восстановления нормальной, для данного личного сознания, жизни, то человек всегда бы предпочитал смерть подобному состоянию. Между тем подобного рода больные не испытывают никаких мучений; прерванное или притупленное на время сознание делает их одинаково недоступными и для болевых ощущений, и для беспокойной мысли, и для тяжелых душевных чувств. Они живут без всяких мучений, но зато и без сознания, и именно это-то и внушает нам ужас.

Даже частичные расстройства цельности сознания, как это, например, случается при различных лихорадочных болезнях, сопровождаемых бредом, или при некоторых формах умопомешательства, всегда, более или менее сильно, пугают человека, все равно, на какой бы ступени личного развития ни стоял он в современном нам обществе. «Доктор, он бредит!», «Доктор, больной теряет сознание!», «Больной заговаривается!» – раздаются в подобных случаях полные отчаянной муки возгласы, обращенные к доктору, от которого семья больного ждет помощи, ждет спасения.

Какое существенное, важное значение имеет сознание в глазах человечества, видно, между прочим, и из того факта, что законодательства всех цивилизованных стран признают преступников неответственными за те поступки, которые были совершены ими во время, хотя бы и мимолетного, перерыва сознания, во время так называемого умоисступления, то есть под влиянием какого-либо сильного аффекта, например гнева, ревности, испуга, а также и во время помутнения сознания вследствие действия опьяняющих напитков. Таким образом, следовательно, даже временное уничтожение сознания считается уже достаточным для того, чтобы снять с человека ту ответственность за поступки, которую он несет в качестве разумного, человеческого существа. Из этого факта прямо вытекает, что сознание считается самой главной, существенной душевной способностью человека, без которой человек как бы перестает быть человеком и становится, подобно животным, неответственным за свои поступки.

Человечество более всего на свете дорожит своим сознанием, и соответственно с этим мы и видим, что у всех народов и во все исторические времена надежда на загробную жизнь сводилась в сущности к надежде сохранить и по ту сторону гроба свое личное сознание. Вечное существование, свободное от всяких мук, несчастий и горя, свободное, одним словом, от всего того, что гнетет и тяготит человека во время его существования на земле, не имеет для

нас ничего привлекательного, ничего желательного, раз оно несовместимо с непрерывностью нашего личного сознания.

У народов, стоящих на низкой ступени развития, это стремление, эта потребность сохранить свое личное сознание ведет к тому, что они представляют себе жизнь за гробом неразрывно связанной с той обстановкой, с которой они сжились на земле и без которой они не могут себе представить свою личность. Так, например, миссионеры, проповедовавшие христианство гренландцам, рассказывают, что, когда речь зашла о загробной жизни, старейшины народа предложили им следующий вопрос: «А есть ли у вас в христианском небе тюлени?» И, получив отрицательный ответ, они печально покачали головами и заявили, что христианское небо, христианская загробная жизнь не подходят для них, гренландцев, потому что они нигде, а следовательно, и за гробом не могут обойтись без тюленей. В этом наивном замечании отчетливо выразилась горячая надежда гренландцев сохранить и по ту сторону гроба свое личное гренландское сознание, неразрывно связанное с определенной жизненной обстановкой, а следовательно, и с присутствием тюленей.

Точно так же и североамериканские индейцы рассчитывали и после смерти найти богатую охоту; а турки и вообще все магометане мечтают о продолжении гарема и т. д., так как даже самый Коран обещает им, что по ту сторону могилы они найдут прекрасных гурий. Одним словом, каждый народ мечтает и по ту сторону могилы сохранить свое личное сознание и те привычные условия жизни, без которых он не может представить себе свою личность. Другими словами, без сознания человеку не нужно ничего: ни вечного блаженства, ни вечного, бесконечного существования!.. Вдумываясь в историю различных племен и народностей, мы все снова и снова убеждаемся, что на всех ступенях своего развития человечество всего более дорожит своим сознанием и заботится, беспокоится, главным образом, о сохранении своего сознания, о спасении его от гибели.

Что же такое это сознание? Каждый из нас фактически знает, конечно, что именно подразумевается под словом «сознание»; но точно определить сознание, выяснить его суть оказывается далеко не легкой задачей. Постараемся прежде всего познакомиться с тем, как определяют и объясняют себе сознание люди науки. Философы и мыслители древнего классического мира вовсе не знали сознания в нашем смысле. Они признавали сознание за свойство ощущений или ума. Вильям Гамильтон указывал уже на то, что до Декарта, то есть, следовательно, до XVII столетия, философы почти вовсе не говорили о сознании, и слово conscientia, conscience и тому подобное употреблялось только в том этическом смысле, который на русском языке выражается словом «совесть». У древних греков даже вовсе не было слова для обозначения сознания, и это вполне понятно, так как Платон и Аристотель считали в одних случаях сами ощущения, а в других – самый ум сознающим свои собственные акты.

По отношению к ощущениям и Платон, и Аристотель впадают, впрочем, в противоречия; так, например, Платон в «Теэтете», а Аристотель в сочинении о душе признают за органами ощущений способность перципировать, замечать, что они ощущают то или иное, а в двух других сочинениях своих (Платон – в «Charmides», а Аристотель – в «De Somno») они отрицают это и признают подобного рода способность только за умом (νοῦς).

Только у позднейших платоников и аристотелианцев появляется наконец слово, которое может быть приравнено к нашему сознанию, а именно συνείδησις; но оно все же обозначает только общее свойство интеллекта, а не отдельную способность души. Плотин, Прокл и Симплиций, жившие в III веке нашей эры, употребляли этот термин, и особенно у последнего он употреблен в том же совершенно смысле, что и наше «сознание». То же встречается и у Гиерокла; кроме того, в качестве слова, обозначающего сознание, употреблялось также и συνεπίγνωσις; но все это только случайно, мимоходом.

У латинских авторов, например у Квинтилиана и у жившего в конце II и в начале III века после Р. Х. Тертуллиана, тоже встречаются выражения, в которых речь, несомненно, идет о

сознании в нашем смысле слова; но все же подобного рода выражения встречаются редко; их надо отыскивать, и сознание, в качестве определенного явления психической жизни, начало обращать на себя внимание ученых только со времен Декарта, то есть, следовательно, только с XVII столетия. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, так как нам еще придется не раз вернуться к нему, и оно имеет, как мы убедимся ниже, особенное и существенное значение.

Декарт признавал, что дух человека постоянно деятелен, то есть постоянно думает, а следовательно, и сознает. Впрочем, это было вполне естественно для человека, создавшего такую формулу, как «Cogito ergo sum»; потому что, раз доказательством существования человека считается мысль, то, очевидно, что мысль эта должна быть непрерывна, так же как и неразрывно связанное с нею сознание. Это тем более верно, что во времена Декарта не могло быть и речи еще о бессознательной мозговой деятельности, о которой так много пишут и говорят в наше время.

Раз сознание начало обращать на себя серьезное внимание ученых только со времени Декарта, то само собой понятно, что ученые того времени должны были, по необходимости, останавливаться только на лицевых или положительных сторонах сознания и совершенно упускать из виду его отрицательные или оборотные стороны. Многие ученые XVII и XVIII веков принимали, вслед за Декартом, непрерывность сознания и соответственно с этим доказывали существование сознания и во время сна; для примера укажу хоть на Мальбранша.

Итак, сознание начало обращать на себя серьезное внимание всего лишь с XVII столетия, и соответственно с этим и бессознательная психическая жизнь долго оставалась непонятой и незамеченной.

Первый, обративший внимание на бессознательную сторону нашей душевной жизни, был Лейбниц, живший в конце XVII и в начале XVIII века; хотя случаи бессознательной мозговой деятельности обращали на себя внимание ученых уже гораздо раньше, но их тогда не понимали. Таков, например, случай, бывший с известным Опорином, жившим в XVI веке (1507–1568). Опорин был известный в свое время книгопечатник, или типограф, в Базеле и, кроме того, он был ученым и профессором. Опорину пришлось как-то совершать довольно далекое путешествие в обществе книгопродавца Фомы Платера. По дороге путешественникам удалось получить какую-то рукопись, сильно заинтересовавшую их. Достигнув вечером гостиницы, они были донельзя измучены и утомлены, потому что путешествие приходилось почти все время совершать верхом по крайне дурным дорогам. Несмотря, однако, на утомление, они непременно хотели ознакомиться с содержанием доставшейся им рукописи, и Опорин принялся читать ее вслух своему спутнику. Чтение продолжалось довольно долго, когда наконец Фома Платер не понял какого-то слова и по поводу этого счел необходимым предложить какой-то вопрос чтецу. При этом Опорин вздрогнул и как бы проснулся под влиянием предложенного ему громко вопроса; далее оказалось, что он ровно ничего не помнит из прочитанного им в течение довольно продолжительного времени. Случай этот доказывает, что даже такой сложный психический акт, как чтение, может совершаться бессознательно и что уже в XVI веке были известны подобные случаи.

Несмотря, однако, на то, что случаи бессознательной психической деятельности уже обращали на себя внимание и описывались в XVI веке, бессознательная психическая деятельность до Лейбница вовсе не останавливала на себе внимания ученых, тогда как в настоящее время она послужила даже основанием целой философской системы; но об этом нам придется подробнее говорить в главе, посвященной вопросу о нарастании сознания в науках.

Раз сознание сделалось предметом философских и психологических исследований, то оно, конечно, все более и более получало значение отдельной, самостоятельной способности нашей души. Сначала, как мы видели выше, философы считали сознание непременным свойством каждого ощущения и представления, затем они стали допускать отсутствие этого свой-

ства в ощущениях, но зато сознание становится у них непременным свойством всех проявлений ума (Платон, Аристотель). Фома Аквинский в XIII веке тоже отождествлял сознание со знанием.

Впрочем, на это отождествление сознания с умом, то есть с человеческим знанием, указывает даже и самая этимология, так как на всех языках почти слово, обозначающее сознание, – conscience, conscientia, Bewusstsein, medvetande, сознание и т. д., – заключает в себе в качестве главного элемента слово, обозначающее собою знание, ведение: Wissen, veta, science, scientia. Речь народная является таким верным отражением всех верований и убеждений, что в ней мы находим даже следы тех воззрений, которые соединяли сознание с каждым ощущением, так, например, обморочные и вообще лишенные сознания состояния нередко называются *insensible, besinnungslos*, «бесчувственное» – так же, как и «бессознательное», *inconscient, bewusstlos* и т. д. Очевидно, что синонимичное значение этих слов зависит именно от того, что в былое время сознание считалось непременным свойством каждого ощущения, доставляемого нам теми или иными из наших органов ощущений, называемых также и органами чувств (*organes des sens, der Sinne*); отсюда и выражение – «бесчувственное состояние».

В начале XVIII столетия сознание уже прямо признается за самостоятельную способность человеческой души, и, например, один из крупных представителей шотландских философов, а именно Рейд, поочередно сравнивает его со всеми остальными душевными способностями, а именно: с восприятием, воображением и памятью – и отделяет его от них. Стюарт и Гетчинсон тоже смотрели на сознание как на отдельную способность человеческой души, а затем, с течением времени, сознание, а вместе с тем и бессознательная душевная жизнь приобретали в глазах мыслителей и исследователей все большее и большее значение.

Само собой разумеется, что как во всем, так и тут дело не обошлось без споров и разноречий, и чем больше сознание обращало на себя внимание ученых, тем все больше и больше появлялось и появляется разноречий. Многие авторы безусловно отрицали непрерывность сознания; другие приписывали его каждому органу, каждой ткани, каждой клеточке нашего тела в отдельности (Юм, Трубецкой). Одни отделяли сознание от памяти, говоря, что мы можем сознавать только в настоящем и настоящее, а никак не бывшее прежде, пережитое нами в прошедшем (Рейд); другие, напротив того, говорили, что мы сознаем только прошедшее (Вайтц). Тоже разноречие существовало также и по отношению к вниманию и к его соотношению с сознанием. Наконец, одни авторы приписывали сознанию главную первенствующую роль в психическом мире человека (Брентано, Ардиго); тогда как другие, напротив того, отрицали это и доказывали, что все существенное и важное является результатом бессознательной мозговой работы (Маудслей, Броди, Гельмгольц, Гризингер, Гартманн).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.